

(PHILOSOPHY)



ЧЖУАН-ЦЗЫ



Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)(34)
ББК 87.3(5Кит)
Ч-81

Серия «Философия – Neoclassic»

Перевод с китайского *Любови Дмитриевны Позднеевой*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Ч-81 Чжуан-цзы : [притчи ; перевод с китайского Любови Дмитриевны Позднеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Философия – Neoclassic).

ISBN 978-5-17-145782-2

Чжуан-цзы (ок. 396–286 до н.э.) — великий китайский философ периода «Борющихся царств», вместе с Лао-цзы — один из основателей даосизма. Его именем названа эта книга — сборник притч, величайший памятник культуры. «Дао» — «путь» — понятие, которое лежит в основе учения. Это путешествие по непознанной дороге жизни, попытка найти себя и ощутить бесконечность мира.

По праву названный жемчужиной мировой мудрости, этот философский трактат доносит до нас понятия древних о пространстве и времени, государственном устройстве, чувствах и разуме, творчестве и счастье.

УДК 1(091)(34)
ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-145782-2

© Перевод. Любовь Дмитриевна Позднеева, наследники, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

СТРАНСТВИЯ В БЕСПРЕДЕЛЬНОМ

В Северном океане водится рыба, имя ей — Кит¹. Сколько тысяч *ли* он величиной — неведомо. [Этот Кит] превращается в птицу, имя ей — Феникс. Сколько тысяч *ли* длиной его спина — неведомо. В гневе [он] взмывает [к небесам], распростертые крылья его — точно нависшие тучи. Феникс делает круг над водой и перелетает на Южный океан. Южный океан — это Небесный водоем.

Повествуя о чудесах, Шутник из Ци² говорил:

— Когда Феникс перелетает на Южный океан, волны вздымаются на три тысячи *ли*. Обопрется о вихрь и взлетает на девяносто тысяч *ли*. Улетев, шесть лун³ отдыхает.

Дикие кони⁴ вздымают пыль <испарения>. Живые существа овевают друг друга дыханием. Лазурь неба — подлинный ли его цвет? Оно далеко и нет ему предела. Также и Феникс — глядит вниз и только.

При малой глубине воде не под силу поднять большой корабль. Налей воды в ямку на полу, и горчичное зерныш-

¹ *Рыбу-гунь* Цуй Чжуань (IV–V вв.) и лянский Цзяньвэньди (VI в.) считают китом, Лу Дэмин (VII в.) — какой-то другой огромной рыбой; Го Цинфань (XIX в.), следуя за Фан Ичжи (XVII в.), — «рыбкой маленькой, которую Чжуан-цзы изобразил гигантской» («Чжуан-цзы цзиши», гл. 1, III, 2). <О разногласиях в толковании этого сказочного образа>

² Сыма Бяо (III–IV вв.) считает Ци Се фамилией и именем, лянский Цзяньвэньди — названием книги.

³ В Китае до 1911 г. был принят лунный календарь.

⁴ Сыма и Чэнь Сюаньин говорят о жарких парах на болоте весной, движение которых уподобляется «диким коням».

ко в ней окажется лодкой. Помести туда чашку, и она встанет на дно — здесь слишком мелко для большого корабля.

Если ветер слаб, ему не под силу поддержать огромные крылья. Чтобы подняться на девяносто тысяч *ли*, ветер должен дуть снизу, а тогда уже можно на него опереться. Когда над [Фениксом] только синее небо, его ничто не может остановить, и он устремляется на юг.

Цикада и Горлица посмеиваясь над ним, щебетали:

— Мы быстро поднимаемся и взлетаем на вяз, на сандаловое дерево, а иногда не долетим и снова опускаемся на землю, вот и все. Для чего же взлетать на девяносто тысяч *ли* и отправляться на юг? [Другое дело] — летишь на зеленые поля, клюнешь три раза и возвращаешься сытым. Когда отправляешься за сотню *ли*, запасайся зерном на сутки. Когда отправляешься за тысячу *ли*, запасайся кормом на три месяца.

Как понять это Цикаде и Горлице! Малому знанию далеко до большого¹. За короткую жизнь не узнать того, что за долгую. Как постичь, что это истина? Утреннему Чудесному грибу <однодневке> неизвестно, что после ночи настанет рассвет, пятнистой цикаде неизвестно, что бывают весна и осень. Таковы [знания] краткой жизни. А на юге области Терновник растет дерево Душ Обители Мрака. Пятьсот лет [для него] длится весна, пятьсот лет — осень. В далекой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет [для него] длилась весна, восемь тысяч лет — осень. А ныне Пэн Цзу прославился своим долголетием. Не печально ли, что все считают его единственным? Именно об этом и спрашивал Испытующий у Кожаного Щита.

На Крайнем Севере, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина-океан. Это — Небесный водоем. [В нем]

¹ Здесь рациональное познание противопоставляется конкрет-но-чувственному в гиперболическом контрасте образов: гигантской птицы (Феникса), взирающей на мир с огромной высоты, и малых существ (Цикады и Горлицы), почти не способных оторваться от земли.

водится рыба: шириной в несколько тысяч *ли*, а сколько *ли* она длиною — неведомо. Имя ей — Кит. Водится там птица, имя ей — Феникс. Спина у него точно гора Великая, распростерты крылья — точно нависшие тучи. Оперевшись [о волны] и раскачавшись, он взвизгивает по спирали на [высоту] девяносто тысяч *ли* — туда, где нет ни облаков, ни воздуха, над ним — лишь небесная синь, а затем устремляется на юг, к Южному океану.

— И куда он стремится? — усмехнулась перепелка на болоте. — Я подпрыгну, взлечу, а через несколько *жэней* опущусь. Порхать между кустиками полыни — вот предел полета. Куда же он стремится?

Вот в этом и заключено различие между малым и великим? [Перепелке] и уподобляется тот, чьих знаний хватает для [какой-то] одной службы, кто связывает свою деятельность с [какой-то] одной областью, а свое достоинство — с [каким-то] одним правителем и способен управлять лишь одним царством.

А сунец — Муж Чести¹ высмеял подобных людей. Всемирная слава его бы не воодушевила, всемирный позор ему бы не помешал. Он отделил внутреннее от внешнего, [установил] отличие славы от позора, и этим закончил. В мире немного найдется таких, как он, однако и он еще не утвердился.

Лецзы передвигался, управляя ветром, спокойно и искусно десять и еще пять дней, а затем возвратился. Он достиг высшего счастья, таких немного найдется. Хотя [он] мог обойтись без ходьбы, но все же [в передвижении] от чего-то зависел. А разве придется от чего-то зависеть, если оседлать сущность природы, управлять развитием [всех] шести явлений², чтобы странствовать в беспредельном? Поэтому и говорится: «Для настоящего человека нет

¹ Сунца Мужа Чести (Юнцзы) отождествляли с философом Сун Цзянем. (Wilhelm, Dschuang Dsi, S. XVIII). Ср. «Хань Фэйцзы», цз. 50, V, 357.

² Шесть явлений — жар и холод, ветер и дождь, пасмурная погода и ясная.

[собственного] «я»¹, для прозорливого нет заслуг, для мудрого нет славы».

Высочайший, уступая Поднебесную Никого не Стесняющему, сказал:

— Я вижу свои недостатки и прошу [вас] принять Поднебесную. Разве не следует погасить факел, когда восходит солнце или луна? Ведь его свет все равно померкнет! Разве следует орошать поле во время дождей? Ведь труд [этот] будет напрасным! Зачем мне занимать трон, если вы взойдете на него и в Поднебесной воцарится порядок?

— Вы управляете Поднебесной, и в ней царит порядок, — ответил Никого не Стесняющий. — Мне заменить вас только ради имени? Ради того, чтобы стать гостем? Ведь имя относится к сущности, как гость к хозяину! Королек вьет гнездо в лесной чаще, но [занимает] лишь одну ветку. Крот пьет из реки, но лишь столько [воды], сколько вместится в желудке. Оставьте [это] и возвращайтесь, государь! Мне нечего делать с Поднебесной. Если повар не приготовил кушанья, Покойник² и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами.

Цзянь У³ сказал Лянь Шу⁴:

— Я внимал Встречающему Колесницы⁵. [Он] велик и бесконечен, отправился и не вернулся. Я удивился его

¹ Для познания природы (т.е. объективного мира) даосские философы требовали отказа от собственного «я» (т.е. всего субъективного).

² Покойник (Ши) — внук или другой родственник, одетый в костюм умершего, исполнял его роль на похоронах, во время жертвоприношений, при провозглашении преемника умершего и в других обрядах. Покойник был первым и ведущим артистом в раннем действе — зачатке театрального зрелища.

³ Этот герой выступает и как человек — современник Суньшу Гордого (VII–VI вв. до н.э.), и как дух горы.

⁴ Лянь Шу — известен лишь по данному фрагменту.

⁵ Лу Дэмин и Чэн Сюаньин пытаются отождествить Встречающего Колесницы (Цзеюй) с отшельником Лу Туном, отказавшимся служить чускому царю. В других эпизодах (см. стр. 155–156, 170; «Изречения», гл. 18, I, 390), он похож на юродивого, называется Чуским безумцем и выступает с темными, пророческими речами.

рассказу: [ему] нет предела, точно Млечному пути. [Он] так далек от мира и человеческих чувств.

— О чем же он рассказывал? — спросил Лянь Шу.

— Далеко-далеко на горе Охотниц-прорицательниц живут бессмертные. Кожа [у них] словно снег, красота подобна девичьей. [Они] вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствуют за пределами четырех морей. Душевные силы у них сосредоточены, поэтому не бывает ни мора, ни болезней, урожай зерна [всегда] обилен. Я принял его за безумца и [ему] не поверил.

— Да, — заметил Лянь Шу. — Слепому не познать красоты орнамента, а глухому — звуков колокола и барабана¹. Но разве слепыми и глухими бывают лишь телесно? Бывают [глухи и слепы] разумом, как ты, судя по твоим словам. [А] человек с подобными свойствами рассматривает в единстве весь хаос, [всю] тьму вещей. Разве стал бы [он] трудиться над управлением Поднебесной, даже если бы люди [его] просили спасти от смуты? Такому человеку ничто не может повредить, [он] не утонет даже [при потопе], когда вода поднимется до самого неба, не сгорит даже в великую засуху, когда расплавятся металлы и камни, обуглятся земля и горы. Из пыли и сора, оставшихся после него, можно сформовать таких, как Высочайший и Ограждающий. Разве согласится такой человек заниматься делами?!

Сунец приехал в [царство] Юэ торговать шляпами, а юэсцам шляпы не нужны², ибо они стригут волосы и табуируют тело. Высочайший правил народом Поднебесной и навел порядок [в стране] среди морей, [а затем] отпра-

¹ Здесь явно выражено признание Чжуан-цзы необходимости чувственного познания.

² Не изучая чужих обычаев, нельзя даже торговать: сунец из Средних царств Китая, где мужчины носили длинные волосы, перевязывая их шнурком, сворачивая и закрепляя шляпой, не знал, что коротковолосым юэсцам такая сложная прическа была чуждой.

вился навестить четырех учителей¹ на далекой горе Охотниц-прорицательниц. Но на юге от реки Фыншуй в глухом уголке уединения [он] забыл про свою Поднебесную.

Творящий Благо² сказал Чжуан-цзы:

— Вэйский царь подарил мне семена большой тыквы-горлянки. Я посадил их и собрал тыквы, которые вмещают по пять *дань*³. Огромные, а что в них проку? Для воды и сои они оказались слишком хрупкими; разрубленные на ковши, они оказались слишком мелкими. Я решил, что они бесполезны⁴, и их порубил.

Чжуан-цзы ответил:

— Вы, конечно, не сумели придумать, что делать с огромными [тыквами], как [тот] сунец, который обладал прекрасным снадобьем для рук, чтобы кожа на них не потрескалась. Пользуясь этим снадобьем, [в его семье] из поколения в поколение занимались промыванием шелковой пряжи. Об этом услышал чужеземец и предложил за рецепт сотню золотом. Собрав весь род на совет, сунец сказал:

— Из поколения в поколение мы промывали шелковую пряжу, но получали совсем немного денег. А сегодня за одно утро можем выручить сотню золотом. Давайте продадим ему [снадобье].

Чужеземец получил рецепт и поведал о нем царю У. Когда же юэсцы оказались в тяжелом положении, царь У сделал владельца рецепта полководцем. Тот вступил с юэсцами зимой в морское сражение, разбил их наголову, отнял у них землю и получил ее в награду.

Снадобье было все то же, а воспользовались им по-разному: один с его помощью лишь промывал пряжу, а другой сумел получить землю.

¹ Учитель Высочайшего — Никого не Стесняющий (Сюй Ю), учитель Сюй Ю — Беззубый (Не Цюэ), учитель Беззубого — Наставник Юных (Ван Ни) и учитель Ван Ни — В Тростниковом Плаще (Пи И или Пу И).

² Творящий Благо (Хойцзы, Хой Ши) — IV в. до н.э., принадлежал к школе логиков-софистов (минцзя), постоянный участник споров с Чжуан-цзы.

³ Дань — мера объема, около 100 л.

⁴ Фрагмент о субъективном понимании полезного.

Ныне у вас были тыквы-горлянки, вмещавшие по пяти *даней*. Зачем было печалиться, что ковши из тыквы мелкие? Почему бы не связать [тыквы в] большой плот и не плавать по рекам и озерам? Ах, как вы не сообразительны!

Творящий Благо сказал:

— У меня есть большое дерево, которое называется Вонючий ясень. Его ствол распух от наростов и не поддается [работе с] отвесом. Его ветви такие изогнутые и скрюченные, что не поддаются [работе с] циркулем и наугольником. Стоит у дороги, а плотники [на него] не смотрят. Так и ваши слова велики, но бесполезны, никто их не принимает.

— Не замечали ли вы, — ответил Чжуан-цзы, — как, прижавшись [к земле], лежит в засаде лиса или дикая кошка и подстерегает беззаботную жертву? [Но], прыгая то на восток, то на запад, то вверх, то вниз, [сами они] попадают в ловушки, умирают в сетях. А вот як — велик, словно обложившая небо туча, но при огромной силе ему не схватить и мыши. Вас заботит, что большое дерево не приносит пользы? Но зачем так печалиться? Почему бы не пересадить его в бесплодную местность, в широкую степь? Около него будут блуждать в недеянии, под ним будут спать в скитаниях. [Дерево] не погибнет раньше времени ни от топора, ни от секиры. Не принося никому пользы, оно не принесет и вреда.

Глава 2

О РАВЕНСТВЕ ВЕЩЕЙ

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья¹ сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу?² [Ведь] тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас, уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

— Как хорошо [ты] спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? [Когда] ты услышал свирель человека, не знал еще, что такое свирель земли; [когда] услышишь свирель земли, еще не будешь знать, что такое свирель вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля и говорят, что [подул] ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоет сквозь тьму [земных]

¹ Владеющий Своими Чувствами, Странник Красоты Совершенной. Несмотря на некоторое расхождение в именах (Наньго Цзыци — Наньбо Цзыци, Яньчэн Цзыю — Яньчэнцзы) комментарий устанавливает, что это одни и те же герои.

² Варианты. Даосское образное обозначение отказа от всего субъективного для познания объекта — природы, ее законов, в данном случае причины возникновения ветра (ср. с одой Сун Юя «Ветер», — В. М. Алексеев, Китайская классическая проза).

отверстий. Разве тебе не [случалось] слышать [подобные] голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов подобны носу, рту, ушам; подобны перекладам, оградкам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни — бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, [голоса] высокие, низкие, [звуки] протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов затихающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, [как] свирель человека¹ — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель вселенной? — сказал Странник.

— [В ней] звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владующий Своими Чувствами. — Все [вещи] звучат сами по себе², разве кто-нибудь на них воздействует?!

[Обладающий] большими познаниями — щедр, [обладающий] малыми познаниями — любопытен. В значительной речи — сила и огонь, в незначительной речи — пустословие. Во сне³ — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом. В отношениях [людей друг с другом] и [в их] союзах ежедневно происходит борьба умов. [Здесь и] нерешительные, скрывающие, умалчивающие, при малых опасностях — осторожные, при больших опасностях — медлительные. Речи одних стремительны, точно полет стрелы, они решают, [что] истинно, [а что] — ложно.

¹ Устройство музыкального инструмента объясняется как подражание ветру, явлению природы.

² В утверждении саморазвития всех вещей содержится отрицание «воли Неба».

³ Для даосской традиции характерно рассматривать сон как состояние внутреннего эфира (души), зависящее от состояния эфира в теле, окружающей человека природе, чувств и мыслей наяву.

Другие молчат, точно принеся клятву в военном союзе, стоят на своем во имя победы. Речи третьих подобны осеннему и зимнему увяданию — с каждым днем [они] слабеют. Речи четвертых обращены к [уже] содеянному, их не отвлечь [от прошлого]. Выражения избитые, точно привязанные к старому руслу, [у таких] не оживить умирающее сердце. [Подобно] мелодиям, которые появляются из пустоты, грибам, образующимся из испарений, сменяют друг друга и днем и ночью радость и гнев, печаль и веселье, заботы и вздохи, изменчивость [чувств] и постоянство, беспечность и расточительность, любовь и распутство. Что их создает — неведомо. Не прекратить ли? Не кончить ли? [Но ведь] обретаем это и утром и вечером. Какая же причина [все] это порождает?

[Если бы] не было других¹, не было бы и меня; [если бы] не было меня, некому было бы воспринимать — это уже близко [к объяснению причины], хотя и неизвестно, что к этому побуждает. Должен бы поистине быть руководитель, но о нем не найти свидетельств. [Если] способен действовать, то поверишь и не видя формы? Обладать ощущениями, не обладая формой?

Существует единое целое из сотни костей, девяти отверстий и шести внутренних органов². Которые из них тебе ближе? Все ли они тебе нравятся? Отдаешь ли какой-либо [части тела] предпочтение? Все ли они — [твои] слуги и служанки? Достаточно ли слуг и служанок, чтобы управлять друг другом? Сменяют ли [они] один другого, как государь и слуги? Существует ли среди них поистине государь? Найдем [мы] его или не найдем, это не принесет ему ни пользы, ни ущерба.

Законченную форму [тела] до самой смерти нельзя губить. Ее действия в столкновениях с вещами либо в гар-

¹ Здесь заметна попытка выразить единство объективного и субъективного — субъективное осознается лишь в сопоставлении с объективным.

² Размышляя над строением человеческого тела, Чжуан-цзы отказывается определить, что в нем второстепенное (слуги), что главное (государь), и, наконец, отрицает бессмертие (душа превращается в прах вместе с телом).

монии с ними истощают ее, точно коня в стремительном беге, которого ничто не может остановить. Как это печально! Как страшно всю жизнь трудиться, но не увидеть плодов своего труда; изнемогая, выполнять поручения и не знать, когда вернешься! Какая польза от того, что люди называют это бессмертием? Как скорбно, что тело, а вместе с ним и сердце превратится в прах!

Действительно ли столь неразумна жизнь человека? Только ли я неразумен? Есть ли среди людей и разумные? Ведь учат, следуя сложившимся взглядам, у кого же нет [такого] наставника? Вряд ли [они] углубляют знания. Есть и такие, которые сами выбирают [себе] взгляды, среди них — и глупцы. Человек с еще не созревшими взглядами, утверждающий, [что] истинно, [а что] ложно, уподобляется тому, кто, отправившись сегодня в Юэ, утверждает, что пришел в Юэ вчера¹. Это означает выдавать несуществующее за существующее. А как сделать несуществующее существующим, не знал даже священный Молодой Дракон, откуда же [знать] мне?

Речь² — не [просто] дыхание. Говорящий произносит слова, но то, о чем он говорит, совершенно неопределенно. Действительно ли существует речь? Или никогда не было речи? Считают ее иной, чем чирикание птенца, но отличается она от чирикания или не отличается? Насколько же скрыт путь, если [могли] появиться истина и ложь, насколько же темны речи, если [могли] появиться правда и неправда! Путь повсюду, где же его нет! Речь существует, чего же она не способна [выразить]? Путь затемняют ничтожные учения. Речь затемняют цветистые [выражения]. Поэтому и пошли споры между конфуцианцами и монетами: одни утверждают то, что другие отрицают, и отрицают то, что другие утверждают. Чтобы это понять, лучше всего утверждать то, что они отрицают, и отрицать то, что они утверждают.

¹ Одно из положений Хойцзы, с которым полемизирует Чжуан-цзы.

² Чжуан-цзы признает возможность выразить речью все многообразие объективного мира, но отрицает роль красноречия, которое затемняет содержание.